

100

ВЕЛИКИХ
КРИМИНАЛЬНЫХ
ДРАМ XX ВЕКА

100 великих (Вече)

Марианна Сорвина

**100 великих криминальных
драм XX века**

«ВЕЧЕ»

2016

Сорвина М. Ю.

100 великих криминальных драм XX века / М. Ю. Сорвина —
«ВЕЧЕ», 2016 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-8564-4

Загадочные преступления и шпионские истории, ограбления банков и похищения людей, убийства, замаскированные под самоубийства, и наоборот – самоубийства или несчастные случаи, расследуемые как убийства... В XX веке неразгаданных тайн и невероятных, запутанных историй было предостаточно. В этом веке войн и переворотов, шпионских скандалов и мафиозных заговоров множество странных событий оказалось погребено под спудом страха и молчания. О самых громких криминальных драмах прошлого века рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-4444-8564-4

© Сорвина М. Ю., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Введение	5
Начало бурного века	7
Запутанная история графа Комаровского	8
Роковая страсть графини Тригоны	13
«Коза ностра» и убийство четы Куоколо	17
Покушение на дона Лоренцо	19
Кровавый доктор Криппен	22
Дом полусотни скелетов Белль Ганнес	25
Смерть художника	27
Венок трагедии Пейо Яворова	30
Российские тайны	33
«Большое ограбление поезда»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марианна Сорвина

Сто великих криминальных драм XX века

Введение

Начинался XX век – век необычайных открытий и политических катаклизмов, век исключительной науки и неразгаданных тайн. Многие научные открытия и гипотезы, появившиеся к началу XX века, были связаны с криминальной темой.

В 1977 году англичанин немецкого происхождения Уильям Гершель, работавший полицейским в Индии, установил неизменность папиллярного рисунка на пальцах человека. Открытие легло в основу новой науки – дактилоскопии. Уже в начале XX века дактилоскопия была введена в России, Англии, Австрии и других странах.

В 1880-е годы французский полицейский Альфонс Бертильон разработал для регистрации преступников антропологический метод с измерением тела виновного по 11 параметрам. В сущности, так мало, но и так много: теперь преступников различали хотя бы по капилярам пальцев, которые можно внести в картотеку сыска.

Однако научные открытия порождали и псевдонаучные теории профилактики преступлений на основе антропологических черт человека. Так, итальянец Чезаре Ломброзо со второй половины XIX века писал о «прирожденном преступном типе личности» и предлагал заранее определять преступников по форме черепа и ушей. Прирожденных преступников он обозначил словами *«homo delinquent»* («человек преступный») и объявил, что уничтожение таких людей облегчит работу сыска на будущее.

Учение Ломброзо имело огромный резонанс и встретило как горячих поклонников, так и гневных противников. Одним из противников предвзятой доктрины был русский писатель Иван Бунин, сочинивший в 1916 году в стиле «арт-нуар» иронический рассказ о так и не пойманном серийном маньяке Адаме Соколовиче «Петлистые уши»:

«– А как же я того выродка узнать могу, если он здоровый, как той кабан? – насмешливо спросил Левченко.

– А по ушам, например, – ответил Соколович не то всерьез, не то насмешливо. – У выродков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, вот на ту самую, которой и давят их.

– Ну, знаете! Убить всякий может, если разгорячится, – небрежно вставил другой матрос, Пильняк. – Я раз в Николаеве...

Соколович выждал, пока он кончит, и сказал:

– Я, Пильняк, тоже подозреваю, что эти уши присущи не одним только так называемым выродкам. Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, – по причинам весьма разнообразным, например, в силу атавизма или *тайно накопившейся ненависти к человеку...*»

Эта подсмотренная русским писателем Буниным «тайно накопившаяся ненависть к человеку» превозмогла всё – она стала главной движущей силой новой эпохи. А XX век стал веком межнациональных катаклизмов и вызывающей ненависти к «иному», «другому» – иначе верующему и иначе мыслящему. То есть – веком публичности, статистики и мировых войн.

* * *

Уже накануне Первой мировой войны, в 1909 году, другой итальянский юрист Сципио Сигеле заметит эту публичность нового века и озабочится не отдельной преступной личностью, а целой группой агрессивных лиц, одержимых идеей. Наблюдая происходящие в начале XX века уличные беспорядки и предвидя дальнейшие массовые катаклизмы века, он издал в 1909 году книгу «*La folla criminale*» («Криминальная толпа»), посвященную тому, что всё чаще стало проявляться в городах, – экстремистской, криминальной сущности скопления людей. Тому, что видел Сигеле, и тому, чего ещё не видел и видеть не мог – пожару Первой мировой войны, а потом и Второй мировой: то был коллективный век.

Своей работе Сципио Сигеле предпослав цитату криминолога Энрико Ферри: «От соединения личностей в результате никогда не получается суммы, равной числу их единиц». Пафос этого высказывания понятен: когда личности под воздействием любой идеи объединяются, они утрачивают свою индивидуальную неповторимость. Впрочем, сходное положение, независимо от Ферри, высказал австрийский философ и психолог Кристиан фон Эренфельс: «Целое – это некая реальность, отличная от суммы его частей».

Не оспаривая мнение Эренфельса в отношении личностей, хочется всё же возразить – не по поводу людей, а по поводу самих преступлений: каким бы частным, локальным, бытовым и даже прецедентно исключительным не было преступление, оно всегда является отражением эпохи и того географического ареала, в котором произошло. И все эти отдельные случаи, даже будучи на первый взгляд необычными и нетипичными, по-своему типичны. Они складываются в общую картину мира, как осколки складываются в большой калейдоскоп изменяющейся реальности.

Начало бурного века

Рассматривая различные криминальные истории, неожиданно приходишь к выводу, что XX век начался фактически не с 1900-го года, а с 1914-го. До Первой мировой войны человечество еще продолжало проживать век XIX – с его зловещими тайнами и великоксветскими драмами; с его вестернами и авантюрами. До мировой войны это еще был «маленький» век – личный и камерный, как сюита. И таковы же были его преступления: даже акты политического террора напоминали внутреннюю, психологическую драму – как жертвы, так и преступника.

И, коль скоро итальянцы внесли такой своеобразный вклад в мировую теорию о преступности в начале XX века, начинать рассказ следует именно с них – с роковых страстей и безмятежно солнечной Венеции, где так любили отдыхать европейцы, в том числе и наши соотечественники. Венеция того времени никоим образом не сочеталась с преступными намерениями, но там происходили драматические истории, характерные для начала XX века – страстные и зловещие, темпераментные и романтические. Но в основе этих историй чаще всего были совсем не романтические деньги.

Запутанная история графа Комаровского

В те годы Венеция еще не кишила безумными туристами, а воды ее каналов не были загрязнены, как в наши дни, да и вообще экология напоминала о чудесных временах XVIII–XIX веков, когда русские художники вдохновенно писали венецианское утро, подернутое туманом, и маленьких изящных гондольеров на крошечных лодочках. Мир казался огромным, как рай, а человек в нем был спокоен и безмятежен. Но XX век надвигался неумолимо, а вместе с ним и та новая реальность, породившая запутанные преступления, в которые были вовлечены самые разные лица.

Очевидно, граф Комаровский тоже был безмятежен, потому что в то утро 22 августа 1907 года он мирно спал. Это спокойствие никак не вязалось с последующими свидетельствами о многочисленных угрозах, которые он получал по почте. 6 сентября пресса сообщала, что утром 22 августа «некто Наумов прибыл на гондоле к графу Комаровскому. Обманув бдительность прислуги, он проник в его спальню, произвел в графа пять выстрелов и не замеченным уехал из Венеции». Граф был тяжело ранен, но говорилось, что его жизни опасность не угрожает. Русскому консулу он заявил, что получил несколько писем с предупреждением: в Венецию прибудет русский с целью его убить. Значения этим письмамgraf почему-то не придавал.

После покушения Наумов скрылся из Венеции, однако вскоре был арестован в Вероне, городе всемирно известных влюбленных, увековеченных Шекспиром. Ни один из выстрелов Комаровского не убил, но на этом дело не кончилось. Уже в первых числах сентября выяснилось, что граф находится при смерти. И тут события из солнечной Венеции перенеслись в педантично преданную законам и бюрократии Вену. Выяснилось, что именно там, в столице Австрийской империи, граф Комаровский перед тем, как отправиться отдохнуть с подругой в Венецию, застраховал свою жизнь на полмиллиона франков. На оформлении страховки настаивала подруга – графиня из Киева Мария Тарновская, урожденная О'Пурк. При этом в Венеции она тайно от графа встречалась с любовником – неким мошенником Зайфером, поселившимся в том же отеле.

М.Н. Тарновская, П.Е. Комаровский и арестованный итальянской полицией Наумов

После покушения на Комаровского Тарновская успела сбежать из Венеции в Вену. Её приятель Зайфер был арестован австрийской полицией. Тут-то и выяснилось, что на самом деле он вовсе никакой не Зайфер, а московский адвокат, присяжный поверенный Донат Прилуков, склонный к роскоши и картежной игре. На свои увлечения адвокат истратил деньги

клиентов и рассчитывал поправить дела с помощью страховки Комаровского. Вскоре он уже давал показания как организатор убийства, но утверждал, что истинным «мозгом» преступления была Тарновская, а сам он – жертва её женского обаяния и хитрости.

О, начало ХХ века! О, феминизированная эпоха поэтов и безумцев! Женщина-вамп безупречно организовала убийство. Безумно влюбленный юнец Наумов стал слепым орудием в руках коварной злодейки. Что это, как не бульварный сенсационный роман? Даже полиция поверила в эту пошлую романтическую историю. Равно как и во всякие психиатрические теории, появившиеся позднее с легкой руки 20 адвокатов, обслуживавших этот процесс. К арестованной графине даже приставили охрану, чтобы она ненароком не соблазнила присяжных и прокурора.

Тем временем 8 сентября Комаровский скончался, и дело приобрело резонанс. Здесь нельзя все-таки не объяснить, кем был для России граф Павел Евграфович Комаровский, дворянин с польскими корнями, владевший имением в селе Городище. Дедушка графа сочинял неплохие романсы, из которых наиболее известен «Дайте крылья мне перелётные» на музыку Даргомыжского. В своем имении Павел Комаровский собрал библиотеку свыше 10 тысяч книг конца XVIII века. Здесь были сочинения по истории, музыке и естественным наукам на нескольких языках. Любитель искусства, меценат и организатор съезда российских пожарных в 1899 году, граф был известным благотворителем. В Орловский губернский музей он передал коллекции древнерусских крестов и образов, серебряные монеты, древние рукописи. Входил в Орловскую губернскую ученую архивную комиссию, был членом Орловского общества любителей изящных искусств и председателем выставочного комитета первой художественной выставки в Орле в 1896 году. В 1904 году он ушел добровольцем на русско-японскую войну и проявил редкое мужество. За бой 26 мая 1904 года под Сюяном на Фынхуанченской дороге Комаровский был награжден орденом Святого Станислава, а в 1905-м – медалью «В память русско-японской войны».

И вот этот храбрый и весьма деятельный человек оказался жертвой вполне заурядной шайки мошенников, которых интересовало только его наследство. Причем Комаровский был, как выяснилось, не единственной жертвой преступников: смертельная опасность подстерегала всю его семью.

27 сентября итальянские газеты сообщали, что при обыске квартиры Тарновской были найдены письма, из которых следовало, что Прилуков и графиня хотели избавиться не только от Комаровского, но и от его сына Евграфа – прямого наследника. В случае его смерти всё имущество переходило Тарновской. Комаровский успел обручиться с ней, но её бракоразводный процесс с Василием Тарновским затягивался.

К тому моменту графиня уже сомневалась в том, что хочет замуж за недавно овдовевшего графа. Проще было устраниТЬ его и завладеть имуществом, и она собиралась прибегнуть к помощи наивного, влюбленного юноши. Таким юношей оказался Наумов, которого она встретила в Орле, куда приехала с Комаровским. Наумова считали сумасшедшим, рассказывали, что в детстве его случайно ударили лодочным веслом. Мария Николаевна быстро пристрастила юношу к мазохистским играм – стегала кнутом, гасила о его руку сигареты. А он видел в ней кумира и клялся в верности. Если бы Наумов убил графа, его посчитали бы свихнувшимся влюбленным и закрыли дело. На это и рассчитывали Мария и Прилуков.

Но Тарновская не предполагала, что её замысел раскроется и вызовет такой шум. Австрийский суд вдруг решил докопаться до корней этого дела и эксгумировать тело жены Комаровского – певицы и виолончелистки Эмилии Редер, умершей год тому назад. Смерть Эмилии ранее не вызывала сомнений: она вслед за мужем ушла на фронт медсестрой и в Маньчжурии заболела редкой болезнью – геморрагической лихорадкой с почечным синдромом. Тогда, в 1907 году, граф поселился с больной супругой на острове Лидо в отеле «Эксель-

сиор». Тарновская и Прилуков прогуливались по променаду и вдруг увидели Комаровского, везущего инвалидную коляску.

«Что с вами, Эмилия?! – вскричала Мария, ранее немного знавшая Комаровских. – Вы больны? Как жаль! Я уверена, что мы еще будем пить шампанское вместе! Граф, я не видела вас после войны, вы, говорят, настоящий герой!»

Тарновская поведала графу свою историю: она вынуждена разводиться с ревнивым мужем, а Прилуков – её адвокат, с которым она случайно встретилась в поезде. Несчастье сблизило их. Тем временем Эмилия чувствовала себя плохо и заснула в обществе сиделки. Сыном Комаровского занималась английская гувернантка. Музыка, шампанское, прянный дух Лидо и курортного сентябрьского вечера ударили графу в голову, и он уединился с красивой графиней в отдельном номере – не для страсти, для душевного разговора. Они вспоминали прошлое и жаловались друг другу на жизнь. Супруга Комаровского болела, ссорила его с матерью и сестрами. Муж Тарновской позорил ее перед всем миром, объявляя всех ее поклонников любовниками, одного из них убил на дуэли. Мария давно нравилась Комаровскому, но ухаживать за ней при страдающей жене было неприлично. И всё-таки он спросил: «Кошунственно, графиня, но если бы я вдруг стал вдовцом – мог бы я... рассчитывать на взаимность?» – «Вы хотите доказательств, граф? Смотрите же – я ничего не боюсь больше!»

Мария взяла графа под руку и, получив от горничной отеля заранее оплаченный ключ от номера, увела графа в альков, где продемонстрировала ему свою страсть. Через два часа они вернулись: он – к больной жене, она – к Прилукову. «Ну и как это было?» – спросил Прилуков, скрывая обиду за циничной иронией. «Да не особенно, – бесстрастно ответила графиня. – Но мне кажется, при правильном ведении дела мы сможем решить твои проблемы с кредиторами».

Запутавшийся в долгах Прилуков понял, что имеет дело с женщиной-вамп: такие в то время очень ценились. Её воля и характер могли решить все его проблемы. А она, коварная соблазнительница, останется верной ему – сообщнику: ведь нет близости большей, чем преступный замысел. И присяжный поверенный, вдохновленный преступной страстью, вечерним поездом выехал в Вену, где ему надлежало оформить документы, закупить яды, быстро перечитать новые исследования по судебной медицине и проделать некоторые эксперименты для устранения членов этой семьи.

А Мария стала помогать графу. Она мастерски делала Эмилии инъекции, а вечером ублажала ее мужа, обещая спасение его жене и вечную, безвозмездную любовь к нему. Но состояние Эмилии не улучшалось, её мучили тяжелые боли. Венецианские врачи порекомендовали Комаровским отправиться в Дрезден, где есть клиника тропических болезней Святого Иосифа Штифта. После этого Эмилия умерла. На эксгумации тела настаивали её еврейские родственники. Они подозревали, что скоропостижная смерть была вызвана подменой лекарства ядом, ведь Тарновская легко могла это сделать, чтобы ускорить процесс воздействия на графа. Однако никто не захотел вновь открывать это дело, и в особенности итальянцы, спешившие быстрее закончить процесс.

В январе 1908 года газеты сообщали, что арестованная графиня Тарновская пыталась повеситься в венецианской тюрьме, но была спасена. Слухи оказались ложными. Графиня действительно находилась в тюрьме, как и ее сообщники, но вешаться вовсе не собиралась, даже, напротив, говорила, что хочет начать новую жизнь. Сообщалось также, что суд над заговорщиками состоится весной 1908 года, однако русские власти устроили канитель с нужными юридическими справками, поэтому пришлось отложить процесс еще на несколько месяцев.

К тому моменту дело стало настолько заметным, что ведущие газеты Европы и Америки намеревались по телеграфу освещать судебный процесс в Венеции, куда передали преступников. Прилуков затребовал вызова новых свидетелей по делу Комаровского, но судебные власти Италии хотели закончить расследование к декабрю 1908 года. Тем временем мать графа Комаровского Элеонора Ивановна Орлова прониклась сочувствием к юному убийце Наумову

и объявила, что он – жертва Тарновской, как и её сын. Адвоката Наумова это воодушевило, и он впервые ввел в юридический обиход версию преступного гипноза, который Тарновская якобы применила к его подзащитному. По настоянию защитника в сентябре 1908 года к делу подключились профессор психиатрии Феррара и директор психиатрической лечебницы Кавелетти, протестировавшие умственные данные Наумова и признавшие его «слабоумным истериком, не отвечающим за свои поступки».

Видимо, под влиянием этих новомодных психиатрических идей корифей итальянской гинекологии профессор Луиджи Босси заявил 9 марта 1910 года, что и сама Мария Тарновская одержима психическим расстройством, но чисто женским – манией «уничтожения» своих любовников. Обсуждалась и загадочная славянская душа, склонная к саморазрушению. После этого происходящее в Венеции юридическое разбирательство приобрело совершенно театральный, оперный характер, не имевший никакого отношения ни к науке, ни к действительности. Обвиняемых привозили в здание суда на гондолах. По обеим сторонам набережной толпились корреспонденты и зеваки. Тарновская являлась на процесс в эффектном трауре с черно-бордовыми кружевами. Одержанной публике, с самого утра осаждавшей здание суда, продавали билеты в зал, где проходило слушание.

21 мая 1910 года в половине восьмого присяжные, заседавшие три часа, вынесли вердикт о виновности. Камеристка графини, мадемуазель Перье была оправдана. Наумова суд приговорил к 3 годам и 4 месяцам, графиню Тарновскую – к 8 годам и 4 месяцам, Прилукова – к 10 годам.

Подобные жизненные драмы с привкусом адюльтера чрезвычайно интересовали писателей того времени, а в Италии они пользовались особенным успехом. Поэтому не было ничего удивительного в появлении на процессе поэта и драматурга, эстета и скандалиста Габриеле Д'Аннунцио, отличавшегося эпатажными выходками и любовью к салонным мелодрамам, которые он не только писал, но и успешно создавал сам. Его ближайшими друзьями были националисты и анархо-синдикалисты. Его женщинами – психопатки, в том числе и выдающиеся. Из любви к Д'Аннунцио великая итальянская актриса Элеонора Дузе резала себе вены, маркиза Карлотти ушла в монастырь, а графиня Манчини попала в сумасшедший дом.

Больше месяца Д'Аннунцио следил за развитием событий в Венеции и сочинял пьесу о роковой графике Тарновской. У него уже были предложения от ведущих итальянских театров на постановку этой эффектной пьесы.

Убийца Наумов отсидел свой срок и вскоре после освобождения умер. Прилукову после венецианской тюрьмы предстояло еще ответить за растрату казенных денег в России. Тарновскую вскоре помиловал итальянский король Виктор Эммануил. Видимо, не без влияния Д'Аннунцио.

Писатель Валерий Брюсов в 1913 году сочинил скандальную повесть «Последние страницы из дневника женщины», в героине которой угадывались черты Тарновской. Эгофутурист Игорь Северянин написал сонет «Тарновская»:

По подвигам, по рыцарским сердцам,
Змея, голубка, кошечка, романтик, —
Она томилась с детства. В прейскуранте
Стереотипов нет её мечтам
Названья и цены. К её устам
Льнут ровные «заставки». Но – отстаньте! —
Вот как-то не сказалось. В бриллианте
Есть место электрическим огням.

5 июня 1915 года, когда Италия уже отказалась от нейтралитета и ввязалась в войну, а на австро-итальянской границе шли бои, роковая графиня была освобождена из венецианской тюрьмы. Своим родным в Киев она сообщила, что переезды по воюющей Европе небезопасны, поэтому она задержится в Италии – в общежитии тихого французского монастыря под Миланом. Но в тот момент дело об убийстве Камаровского уже никого не интересовало, потому что начиналась «*Grande guerra*» – Великая война.

Роковая страсть графини Тригоны

Хроника начала 1910-х годов красноречиво свидетельствует о крайней нестабильности и разнородности итальянского общества. С одной стороны – голод и эпидемии, стихийные бедствия и множество жертв. С другой – роскошные салоны и виллы, полные пафоса письма, роковые адюльтеры и мелодраматические убийства, столь любимые поэтами и кинематографом.

25 сентября 1910 года появились сообщения о вспышке холеры в Неаполе. Через месяц, 24 октября 1910-го, побережье Амальфи было разрушено сильным наводнением, и пропитанная водой лава начала сползать на город. Здания рушились от порывов бури, как карточные домики. Поток, образовавшийся на склонах Везувия, уничтожал поселки, на дороги и садовые хозяйства обрушился град камней и грязи. Деревни острова Искья оказались полностью разрушены огромными валунами, скатившимися с горы Чито, дома и улицы снесены полностью, 200 человек погибли, многие остались без крова.

Но нищета никого не интересовала, в ней не было романтизма. И газеты, стремясь привлечь внимание невзыскательной и скучающей массы, гонялись за адюльтерами и кровавыми сенсациями, создавая культ эстетизма в аристократических домах Палермо, где «всё дышит атмосферой прекрасной эпохи, начавшейся вместе с закатом Европы, но сохранившей свои живительные корни на Сицилии, где она превратилась в стиль жизни».

* * *

2 марта 1911 года, ранним утром четверга, Италия была отвлечена от стихийных бедствий и политических событий жестокой криминальной драмой, развернувшейся в отеле «Rebecchino» напротив железнодорожного вокзала Термини в Риме. Всю страну потрясло убийство первой красавицы Сицилии – графини Джулии Тригоны Таска Ди Куто Де Сент-Элиа.

Пятая дочь принцессы Джованны Куто Филанджиери и эксцентричного художника, графа Джованни Лучио Таска Ланца, Джулия Тригона была любимой фрейлиной королевы Елены – супруги императора Виктора Эммануила III. Черногорская принцесса Елена (в девичестве – Петрович-Негош, или Елена Де Монтенегро) сама не чужда была романтических настроений и вышла за итальянского императора, сменив против воли родителей вероисповедание с православия на католицизм. Ей импонировал страстный характер фрейлины Джулии, однако она неоднократно предупреждала молодую женщину от опрометчивых романов.

В 15 лет Джулия вышла замуж за политически активного графа Ромуальдо и к 30 годам имела двух дочерей, что не мешало ей вести активную светскую жизнь. Главной причиной ее романов была обида на многочисленные интрижки ее мужа-politika.

Утром 2 марта 1911 года графиню из ревности зарезал в гостиничном номере ее любовник – кавалерийский лейтенант барон Винченцо Патерно. Сам убийца сразу попытался покончить с собой, но пуля, которую он выпустил себе в голову, застряла у основания черепа, и он остался жив.

Услышав стоны, в номер вошли служащие отеля. Их ожидала жуткая картина, достойная кинематографической мелодрамы: зарезанная графиня лежала на кровати рядом с окровавленным бароном, который был еще жив.

Первые встречи Джуллии Тригоны и Винченцо состоялись в Палермо, столице Сицилии

В груди женщины торчал дешевый охотничий нож, который убийца купил в соседнем магазине, не забыв при этом получить грошовую скидку, о которой свидетельствовал лежавший на столике чек, впоследствии ставший вещественным доказательством обвинения: любовь и ревность едва ли сочетаются с меркантильностью.

В целом же это преступление носило настолько театральный характер, что сразу превратилось в сенсацию, живо обсуждаемую в обществе. Скандалную историю освещали все газеты страны, уставшие от не столь интересных жертв холеры и наводнений. «Это кошмар, видение из дурного сна», – темпераментно писала на следующий день *«Il Corriere della Sera»*.

Сенсационную окраску этому делу придавало еще и то, что в нем были замешаны известные личности из окружения графини: ее брат Алессандро Таска – второй человек в социалистической фракции парламента; муж, граф Ромуальдо – недавний мэр Палермо. И наконец друг графини – всё тот же скандальный поэт Габриеле Д'Аннунцио, завсегдатай светских салонов. Он не пропускал ни одной светской красавицы, и Джуллия сразу вызвала у него восторг. Говорили, именно он познакомил жертву с ее будущим убийцей.

Первые встречи Джуллии и Винченцо состоялись в Палермо, в салоне *«Villa Igea»* – особняке, где граф Игнацио Флорио давал роскошные приемы. Барон Патерно имел репутацию плейбоя и светского льва, хотя и сидел без гроша. Причиной разорения его семьи стали серные шахты отца, не приносившие дохода.

Для Сицилии рубежа XIX и XX веков опрометчивая ставка на серные разработки и последующее разорение были типичны: аграрный кризис начала 1890 годов разорил многих владельцев серных шахт и вынудил их на слияние с конкурентами. Так жила и семья Луиджи Пиранделло – писателя, будущего лауреата Нобелевской премии. Его дед был известный гарибальдиец, мать вышивала гарибальдийские знамена, отец также примкнул к отряду тестя. Но когда война Гарибальди закончилась, возникла необходимость приспособливаться к граж-

данской жизни, и отец Пиранделло занялся серными шахтами. Его неспособность вести дела довела семью до банкротства. Луиджи Пиранделло пришлось согласиться на «*matrimonio di convenienza*» – несчастливый брак по расчету с дочерью отцовского партнера по бизнесу. Жена писателя, неграмотная сицилийская провинциалка, ревновала его к таланту, славе, знаменитым друзьям. Она попала в психиатрическую клинику из-за попытки убить супруга ножом во время сна.

Но в тот год, когда происходили описываемые трагические события в римском отеле, Пиранделло уже был известным драматургом, а его пьесы ставились в театре «Метастазио».

В отличие от Пиранделло, барон Патерно пьес не писал. Он писал письма светским красавицам. В одном из таких напыщенных и пошлых писем, адресованных графине Джулии, говорилось: «О, радость моих чувств! Ваши губы, полные медовой сладости, сводят меня с ума! Я отдаю всё, чтобы быть с вами!» На суде адвокат Патерно представил это письмо как доказательство истинности чувств обвиняемого.

Но в одном защитник просчитался: в качестве вещественного доказательства фигурировала и наградная Георгиевская медаль – «безделушка», с легкостью подаренная бароном своей возлюбленной. Адвокат хотел показать, что такой подарок подчеркивает глубину чувств обвиняемого. Но поступок Патерно вполне объясняли циничные слова из его дневника: «Всё, что этот мир называет долгом и честью, мне кажется трусостью и глупостью». Это настроило суд и общественность против убийцы, легкомысленно относившегося к наградам родины. Против Патерно сыграл и тот факт, что он несколько раз брал у графини деньги взаймы, а значит – имел корыстные интересы и вёл себя как альфонс.

Такие, как лейтенант Патерно, обычно становятся не писателями, а музами для писателей, персонажами романов. Позднее убийца действительно превратился в романтического героя бестселлера Томазиди Лампедуза «*Il gattopardo*» («Леопард»), написанного в 1930 году и опубликованного после смерти писателя. Позднее появилась экранизация этого романа режиссера Лукино Висконти с Бертом Ланкастером, Клаудией Кардинале и Аленом Делоном в главных ролях.

На страницах книги Лампедузы Патерно представлял бабником и игроком, блестящим офицером кавалерийского полка «Фоджа», известным буйным нравом и стремительными победами, любившим пускаться в сомнительные предприятия и привлеченным ярким светом салона Флорио. Джулия, по словам писателя, была «одной из самых красивых женщин Палермо и героиней светской жизни». Общество Палермо «видело в ней лишь доброе, безмятежное и несколько противоречивое существо. Но Джулии этого было мало. Она лелеяла мечту о великой романтической любви, и ее драматическая история заставляет думать о ней, как о сицилийской Эмме Бовари».

Впрочем, в этой истории многое выглядело неромантично. Джулия после родов болела и упрекала Ромуальдо в холодности и изменах, а потом сама начала в отместку флиртовать с офицерами. Наконец они оба решили развестись, вопреки воле семьи. Но у известного политика не нашлось денег на бракоразводный процесс, и Джулия согласилась продать свой земельный участок. В юридических делах ей помогал адвокат Серрао. Он же открыл ей глаза на корыстные мотивы лейтенанта Патерно, который вовсе не был преданным влюбленным и явно хотел получить доступ к ее счёту. Тогда графиня и решила порвать с любовником.

Патерно не нравился адвокат Серрао, настроивший возлюбленную против него. Лейтенант устроил сцену ревности, кричал, что она увлеклась адвокатом, и в порыве гнева сорвал с ее шеи медальон. Глупо было соглашаться на «последнее свидание» в номере отеля, но графиня отличалась сентиментальностью: ей казалось, что отношения надо закончить красиво – трогательным прощанием. В номере между ними вновь вспыхнула страсть, о которой рассказала горничная, подсматривавшая в замочную скважину. Эта последняя встреча и стала для графини роковой.

Императрица Елена, узнав о гибели фрейлины, слегла от переживаний. Когда гроб с телом графини перевозили из Рима на Сицилию, по всему пути следования поезда стояли толпы людей. Суд состоялся через год – 17 мая 1912 года. Он закончился 28 июня вынесением приговора о пожизненном заключении для Патерно. Процесс в Риме наделал много шума, против убийцы были настроены средства массовой информации. Известный психиатр Филиппо Сапорито обследовал Патерно в судебной тюрьме Аверс и признал его нормальным. Красноречие знаменитого адвоката Веччини, утверждавшего, что его подзащитный был ослеплен страстью и ревностью, оказалось совершенно бессильным. Подсудимому не помогла даже попытка самоубийства. Присяжные заседатели приветствовали формулировку обвинения, гласившую, что Патерно хотел воспользоваться активами графини, и его попытка самоубийства была лишь инсценировкой. Развернулись драматичные сцены со свидетелями. Особенным успехом пользовался адвокат Серрао – главный советчик графини, возбудивший ревнивые подозрения убийцы.

В газете «Il Giorno» говорилось: «Какие чувства в наибольшей степени вызывает «Ошибка Джулли Тригоны»? Она отдала свою жизнь как молодая женщина и любящая мать, она увидела ужасную смерть прямо перед глазами. Это для всех большое горе, которое никогда не сотрется из нашей памяти. И лишь ниспосланная Богом покаянная молитва за все невинные души нужна сейчас мученице Джулли Тригоне».

В 1942 году в возрасте 62 лет барон Винченцо Патерно был помилован. После освобождения он еще успел жениться, имел сына и умер в 1949 году.

Предметы, связанные с убийством – окровавленный платок, локоны графини со шпильками и дешевый охотничий нож с ручкой из оленевого рога, – оказались в музее криминалистики Рима, где и находятся до сих пор...

«Коза ностра» и убийство четы Куоколо

Почти в то же время, когда в Италии разворачивались две великоксветские салонные драмы – с Марией Тарновской и Джулией Тригоной, – в старинном этрусском городке Витербо, недалеко от Рима, началось заседание суда присяжных по делу об убийстве супругов Куоколо. Было 10 марта 1911 года. Этого процесса ждали пять лет, и готовился он с беспрецедентными мерами предосторожности. На скамье подсудимых оказалось 45 человек, и это было бы удивительно, если бы на процессе не прозвучало малоизвестное слово «каморра».

Интерес к судебному процессу испытывали в основном юристы, политики и журналисты, поскольку именно с дискуссии на суде началось широкое обсуждение организованной преступности, которой раньше не придавали значения. Теперь необходимость создания специальных комиссий и введения жестких мер по борьбе с групповыми преступлениями была очевидна, а процесс Куоколо стал первым судебным разбирательством, на котором обвиняемыми оказались многочисленные члены неаполитанской мафии.

Преступление было совершено еще 5 июня 1906 года. Первым в местечке Торре дель Греко был зверски убит вор в законе Дженаро Куоколо – один из лидеров «каморры», специалист по квартирным кражам и владелец ресторанных бизнесов. На следующий день в Неаполе бандиты расправились с его женой и сообщницей, бывшей куртизанкой Марие Кутинелли. Существовала также версия, что супруги на самом деле были тайными осведомителями полиции, за что и поплатились. Но дальнейшего подтверждения версия не получила.

К 1911 году большая часть населения успела уже позабыть об этом убийстве пятнадцатилетней давности. К тому же сами жертвы – уголовник и его жена-проститутка – не вызывали такого горячего сочувствия, как прекрасная графиня Джулия, погибшая из-за любви незадолго до процесса Куоколо.

Суд по делу Куоколо закончился в 1912 году, и обвинение было предъявлено 26 лицам. Процесс освещали множество средств массовой информации, говорилось, что в ходе следствия и судебной процедуры были допущены нарушения, что полиция в сговоре с преступниками манипулирует свидетелями и доказательствами. Благодаря показаниям осужденного Дженарапо Аббатемаджио удалось доказать преступный сговор и участие в убийстве двух главарей мафии – бруклинского «короля»¹ Энрико Альфано по кличке «Эрриконе» и Джованни Рапи по кличке «Маэстро».

В ходе первоначального следствия детективы выяснили, что Альфано и несколько других «авторитетов» ночью, накануне убийства, посетили ресторан Куоколо. Через пять дней после убийства сам Альфано, его брат Чиро, а также Дженаро Ибели и Джованни Рапи были арестованы по подозрению в убийстве.

Но тут священник Чиро Витоцци, тоже член «каморры», сказал детективам, что слышал на исповеди другие признания, но связан обетом молчания, и арестованных освободили. Это может показаться странным, но поведение следователей можно объяснить растерянностью, вызванной многочисленными местными традициями, условностями и религиозными догмами. Очень скоро они поняли свою ошибку, но Альфано уже след простыл.

Едва освободившись, гангстер не стал ждать дальнейшего развития событий и уехал в Марсель. Оттуда на лодке он направился в Нью-Йорк и по прибытии был восторженно встречен несколькими своими партнерами из Неаполя. Впоследствии он пользовался в США большим уважением как признанный авторитет и стал мафиозным «королем» Бруклина.

Однако летом 1906 года шеф нью-йоркской полиции Джозеф Петрозино получил из Италии официальное уведомление о том, что обвиняемый в убийстве Альфано находится на под-

¹ «Королем» бруклинской мафии Альфано стал уже после своего бегства в США в 1906 году.

ведомственной ему территории. Петрозино также узнал, что Альфано недавно устроил банкет в местном ресторане для своих товарищей по преступной группировке и что в обход закона он держит игорный дом в подвале на улице Малбери. 17 апреля 1907 года Петрозино и его агенты обыскали квартиру Альфано и арестовали его. Вскоре после этого он был экстрадирован в Италию, где ему надлежало предстать перед судом за убийство Куоколо. До суда дошли слухи о том, что Альфано за эту выдачу итальянским властям заочно «приговорил» шефа полиции Петрозино к смертной казни. И, когда в 1909 году Петрозино действительно был убит во время посещения Палермо, никто уже не сомневался, что это дело рук людей Альфано.

Энрико Альфано (в центре) и другие члены мафии перед дверями суда в Витербо

Слушания дела по убийству Куоколо вызвали большой резонанс. Пресса патетически назвала суд «Самым крупным уголовным процессом века». Альфано отрицал все обвинения. В ответ на брошенные прокурором слова: «Рыба гниет с головы!» он произнес знаменитую фразу: «Я никогда не был ни головой, ни хвостом “каморры”!» Альфано собирались предъявить обвинения и в убийстве Петрозино, но не смогли представить доказательства. В итоге Альфано и его сообщники были приговорены к 30 годам заключения.

В 1926 году сотрудничавший с полицией Аббатемаджио под давлением оставшихся на свободе членов клана отказался от своих показаний против Альфано и Рапи, однако в полиции дело пересматривать не стали².

² Alfano holds stage at Viterbo assizes. NYtimes, 1 April 1911; Arena and Vittozi confront informer. NYtimes, 7 May 1911.

Покушение на дона Лоренцо

Наряду с салонными драмами и преступной деятельностью «каморры» в предвоенной Италии практиковались и политические убийства неугодных политиков, причем в этих преступлениях правительственные структуры охотно опирались на мафию.

16 мая 1911 года в сицилийском городе Палермо на улице Сан-Стефано был убит 46-летний лидер социалистов Лоренцо Панепинто. Художник и педагог, Панепинто был активным социал-демократом и аграрным синдикалистом, издавал журнал *La Plebe* («Плебей») и был горячо любим простым народом. В 1889 году он стал членом городского совета и председателем комитета региональной федерации социалистов Агридженто. Его интересовали вопросы аграрной политики и положение крестьянства.

В 1889 году он основал *Fasci Siciliani* (Лигу сицилийских рабочих) – сильное, но весьма причудливое движение, которое достигло своего политического расцвета к 1893 году. Лига оказалась неоднородной: наряду с защитниками прав сельскохозяйственных рабочих в нее входили религиозные проповедники и революционеры-радикалы, а в штабе Лиги на стенах соседствовали распятие, красный флаг, портреты Гарибальди, Мадзини, Карла Маркса и императора. Эта пестрота объяснялась достаточно просто: социализм рассматривался сицилийским крестьянством как новая религия, истинная религия Христа, преданного священниками, перешедшими на сторону богачей. Социалистическая религия предрекала зарождение нового мира, свободного от нищеты и голода, руководствуясь божьей волей и заповедями.

Лоренцо Панепинто

С этим был связан и приток в Лигу большого количества религиозных женщин. Демонстрации Лиги носили религиозный, марксистский, иногда милитаристский характер.

Но главным вкладом Лоренцо Панепинто в дело трудящихся Сицилии было введение закона об охране труда и утверждение первого документа об оплате «ex feudo». Прекратилась паразитическая и бессистемная, ничем не ограниченная эксплуатация сельскохозяйственных рабочих.

Эти законодательные достижения учителя-социалиста не могли понравиться ни властям, ни «каморре». В январе 1894 года правительство под руководством Франческо Криспи ввело чрезвычайное положение, разогнало Лигу и арестовало ее руководителей. Когда Панепинто лишился возможности заниматься политикой, он ушел в педагогику.

Однако к 1910 году его престиж среди рабочих Сицилии значительно вырос, поскольку именно к началу Первой мировой войны в Италии активизировалось красное движение. Именно в такие моменты политических обострений начинаются устраниния наиболее энер-

гичных лидеров. Нет никакого сомнения в том, что убийство было тщательно организовано и наемники мафии стали исполнителями чужой воли.

В ночь запланированного убийства, якобы по ошибке осветителей города, не горели уличные фонари, и стояла непроглядная темень. Это позволило убийцам близко подойти к жертве. Случайной свидетельницей преступления стала проститутка, проходившая по улице и видевшая преступника в лицо. Она могла бы дать показания, но на следующее утро бесследно исчезла.

На похороны Панепинто собрались все члены Лиги, чиновники города, простые крестьяне. Женщины были в красных одеждах, как они обычно одевались на демонстрации. Тогда и сочинили песню, посвященную дону Лоренцо.

Позднее, уже в 1977 году, ее обработала и исполнила известная сицилийская певица Роза Балистрери³. Зонг назывался «Storia Per La Morte Di Lorenzo Panepinto» («История смерти Лоренцо Панепинто»)⁴:

Шестнадцатого мая, в первый вечер
Погашенной луны и фонарей,
Предатели отправились на встречу
И ждали вероломно у дверей.
Тогда страна как в омут погрузилась
Кругом царит отчаянье, печаль...
И дочь его приехала проститься,
Ее здесь всем безмерно было жаль.
Так девочка осталась сиротою,
Совсем еще ребенок, вот беда.
Как раньше, окруженный беднотою,
Уходит дон Лоренцо навсегда...

Было очевидно, что впервые государственные структуры выступили заказчиками, а мафия – исполнителем. Убийство Панепинто так и не было раскрыто, но стало перекрестком, соединившим политическую и уголовную историю страны на долгие десятилетия.

³ Роза Балистрери (Rosa Balistreri) (21 марта 1927 – 20 сентября 1990) – сицилийская певица и гитаристка.

⁴ Перевод с итал. М.С.

Кровавый доктор Криппен

Великобритания начала ХХ века еще жила имперскими идеалами, парламентскими страстями и криминальными историями, сделавшими ее неоспоримой королевой детектива. Английская криминальная драма загадочна уже тем, что всегда разворачивается за закрытыми дверями, невидимо для общества. Но это и вызывает наибольший интерес, потому что перед нами увлекательная головоломка.

Еще в 1960 году Чарльз Диккенс с азартом писал статьи о нашумевшем судебном процессе т. н. «Убийства на Роуд-Хилл». Подлинная криминальная драма – убийство трехлетнего ребенка в доме, принадлежавшем большой и вполне добропорядочной семье Кентов, обвинение в убийстве 16-летней гимназистки, сестры мальчика – всё этоказалось таинственным, необъяснимым. И великий английский писатель не мог остаться в стороне. Это туманное дело, несмотря на признание девушки, так и осталось не выясненным до конца: существовала версия, что Констанс Кент просто покрывала кого-то другого, поэтому взяла вину на себя. Интересно, что больше всех Констанс любила своего 14-летнего брата Сэмюела, который стал впоследствии очень известным ученым. После многолетнего заключения Констанс уехала к брату в Австралию и дожила там до 100 лет.

Последователем Диккенса в описании документальных преступлений был и Артур Конан Дойл, сочинивший историю Британии через призму расследований сыщика Шерлока Холмса. Убийство в закрытом помещении стало и его коньком. Британцы бдительно охраняют свое жилище от посторонних. Эта традиция перекочевала и в ХХ век.

* * *

В начале февраля 1910 года лондонская певица мюзик-холла Кора Тёрнер, выступавшая под сценическим псевдонимом Бель Элмор, исчезла. Долгое время её судьбой никто не интересовался. Лишь 30 июня знакомые Коры – феминистка Кейт Уильямс, актер Нэш и эстрадный пантомимист Пол Мартинелли обратились в Скотланд-Ярд с очень странной историей.

Кора, настоящее имя которой было Кунигунда Макамоцки, жила с мужем, американцем из Мичигана, в Северном Лондоне. Криппен не имел британского диплома врача, но практиковал стоматологию и гомеопатию. У них был небольшой дом на улице Хиллтроп-Крисент. Там 31 января артистку видели в последний раз – на вечеринке, где присутствовали Нэш, Пол Мартинелли и его жена Клара. Они ушли в полвторого ночи. С тех пор Бель Элмор никто не видел. 3 февраля от нее пришло два письма, в которых она сообщала, что в связи с болезнью вынуждена уехать в Калифорнию к родным. Почерк писем показался им подозрительным, да и муж Коры, дантист Хоули Криппен, вел себя необычно: начал выводить в свет свою секретаршу Этель Ли Нив, одаривал ее вещами жены – бриллиантовым колье и меховыми накидками, – а 12 марта поселил её в своем доме № 39 по Хиллтроп-Крисент.

«Что всё это значит? – возмутился Мартинелли 24 марта. – Где Кора?»

«Произошло несчастье. Кора умерла от пневмонии, – ответил доктор. – Мне сообщили родственники из Лос-Анджелеса».

Ответ не удовлетворил, и тогда они отправились в полицию, где их принял инспектор Уолтер Дью. 8 июля Дью посетил дом на Хиллтроп-Крисент и познакомился с Этель Ли Нив. Сам дантист был на работе, и его хладнокровие удивило Дью. Казалось, доктор был готов к визиту полиции.

Доктор Криппен и Бель Элмор

Он сказал инспектору, что на самом деле всё было не так: жена бросила его и уехала с состоятельным мужчиной, просто ему неприятно было в этом признаваться. Доктор охотно показал свой дом, согласился помочь отыскать Кору. Инспектору он показался честным и открытым.

Но когда 11 июля Дью необходимо было внести уточнения в заведенный протокол и подписать его, он уже не застал дома врача, который еще за двое суток до этого уехал, прихватив с собой любовницу. Тут инспектору и пришла в голову мысль обыскать дом. В подвале под кирпичным полом были обнаружены останки изувеченного тела в нижней сорочке. Эксперт Огастес Пеппер был немало удивлен, поскольку из тела оказались вынуты кости, снята кожа, голова пропала, и вообще кто-то позаботился, чтобы останки не идентифицировали. По мнению Пеппера, на такое был способен только профессиональный врач. Останки перевезли в морг, и там эксперт обнаружил затертую этикетку на сорочке, принадлежавшей ателье братьев Джонс Холлоуэй. Тело предположительно принадлежало женщине и находилось в подвале полтора-два месяца.

15 июля дело передали следователю Ричарду Мьюибу. Он предложил знакомым Коры опознать ночную сорочку, но это было лишь косвенным доказательством против доктора. К вечеру Пеппер, имевший хирургический опыт, смог обнаружить на одном участке тела след от хирургического шрама. Знакомые подтвердили, что Коре делали в Нью-Йорке гинекологическую операцию.

Доктор Криппен и его секретарша были объявлены в розыск. И тут вступил в дело телеграф – изобретение начала XX века, благодаря которому заурядное дело Криппена и обрело такую известность. Сообщение о розыске оказалось у капитана Кендалла с британского корабля «Монтроз», направлявшегося в Канаду. 20 июля Кендалл делал остановку в Антверпене и обратил внимание на двух странных пассажиров: на борт поднялись Джон Робинсон и его сын, приехавшие из Брюсселя. Описание доктора показалось капитану знакомым, да и сын пассажира вел себя как-то не по-мужски. Капитан заметил, что формы у мальчика были

женские. В общем, пассажиры больше походили на влюбленную пару. О своих подозрениях Кендалл передал по радиосвязи, а Криппен начал оказывать знаки внимания, чтобы усыпить его бдительность и взять под контроль. 31 июля, уже возле Квебека, доктор Криппен с передотой любовницей были арестованы.

К моменту ареста Криппена Огастес Пеппер и светило криминалистики Бернард Спилсбери довели экспертизу до конца и с определенной долей вероятности могли утверждать, что останки принадлежали пропавшей жене Криппена. Беглецу предъявили обвинение, и 22 октября 1910 года состоялся суд присяжных. Спилсбери выступил с экспертным заключением. Адвокат Эдвард Маршалл Холл пытался доказать, что Криппен совершил убийство по неосторожности: он просто не рассчитал дозу успокоительного для жены, а потом пытался скрыть следы. Присяжных это не убедило, и они вынесли вердикт, что доктор виновен. 23 ноября Криппен был повешен. Этель освободили из-под стражи, и она уехала в США, где дожила до 1967 года. В одном интервью она утверждала, что причиной ненависти Криппена к жене стало то, что она из-за своих беспорядочных связей заразила его венерическим заболеванием.

Впоследствии дело Криппена стало классикой криминалистики, однако существовало много свидетельств и точек зрения, привносявших в это дело новые оттенки. Например, соотечественник Криппена из штата Мичиган, профессор Дэвид Форан провел анализ ДНК и объявил, что останки принадлежат не Коре. Но тут вспомнили, что, не имея в Англии легального диплома, Криппен не гнушался и подпольнымиabortами, после одного из которых вынужден был избавляться от тела умершей пациентки.

Некоторые утверждали, что доказательств вообще было недостаточно, Криппена засудили, а он вполне мог быть невиновным. Были те, кто сочувствовал доктору. Личность жертвы – Коры Тёрнер-Криппен – симпатий не вызывала. Она хотела стать звездой мюзиклов, но не добилась успеха, поэтому во всем винила своего жалкого мужа, издевалась над ним и находила себе любовников, даже не особенно скрываясь. Криппен же в силу слабости характера не мог спастись от ее диктата.

Уже припертый к стенке доказательствами, он не выразил раскаяния, лишь с грустью сказал, что эта женщина разрушила всю его жизнь, издевалась над ним, и он надеялся избавиться от нее хотя бы таким способом. Доктор просил похоронить вместе с ним фотографию Этель и ее любовные письма. Было ли это сделано, неизвестно: в Англии тела преступников хоронят тайно, без надгробий.

Рассказывали, что задержанный Криппен, проходя мимо капитана Кендалла, сказал: «Ты выдал меня, капитан, и ты тяжело пострадаешь за это вот на этом самом месте. Будь ты проклят!»

Так и случилось: став через год капитаном крупного канадского судна «Эмпресс оф Айрленд», Кендалл каждый раз, проходя возле мыса Фатер, вздрагивал, вспоминая проклятие Криппена. А 29 мая 1914 года его корабль на этом месте потерпел крушение, вошедшее во все справочники мира. Оно унесло жизнь более тысячи человек, одним из которых был выдающийся британский актер Лоуренс Ирвинг.

История доктора Криппена запомнилась еще и потому, что выглядела уж очень «поп-английски», оправдывая поговорку о том, что у каждого в шкафу свой скелет.

Дом полусотни скелетов Белль Ганнес

История норвежской эмигрантки Изабель Соренсен Ганнес, урожденной Бринхильд Ларсен, прославившейся своими преступлениями в США, чем-то напоминает дело доктора Харви Криппена. Правда, субтильного и недалекого доктора обвинили только в одном убийстве и поймали, а мощная женщина Ганнес смогла отправить на тот свет уйму народа и при этом ушла от наказания. Но есть общее – мрачный дух самого убийства, метод сокрытия трупов и ореол тайны домашнего очага – стен, за которыми творятся ужасные деяния.

Белль Ганнес ухитрилась убить более 40 человек, причем большинство из них были мужчинами. Совершенно непонятно, каким образом все эти люди с доверчивостью сайгаков отправлялись к ней на ферму, желая заключить брачный союз. Да и вообще непонятно, что мужчины находят в женщинах такого типа. Красотка Тригона или роковая львица Тарновская – ещё куда ни шло. Но Белль Ганнес ни прелестницей, ни роковой женщиной не была – благо, сохранилось много фотографий этого внушительных размеров монстра с грубым и злым лицом, чудовища, лишь отдаленно напоминавшего женщину. У нее даже имя было говорящее – Бринхильд: вспоминалась противница Зигфрида из «Песни о Нibelунгах» – воинственная героиня германской мифологии, которую никто не мог победить из-за её нечеловеческой силы.

Можно допустить, что новый век породил и новые реалии: феминизм, явление сильных (в том числе и физически) женщин, стремление множества одиноких, неприкаянных господ обрести властную и хозяйственную подругу. Так или иначе, она писала письма о своем желании завести семью, а все эти вполне состоятельные люди съезжались к ней на ферму, прихватив капиталы, и попадали в ловушку.

Существует также версия о том, что некогда на беременную Ганнес напал хулиган и, ударив в живот, лишил ребенка, за что она и возненавидела мужчин. Но это только версия.

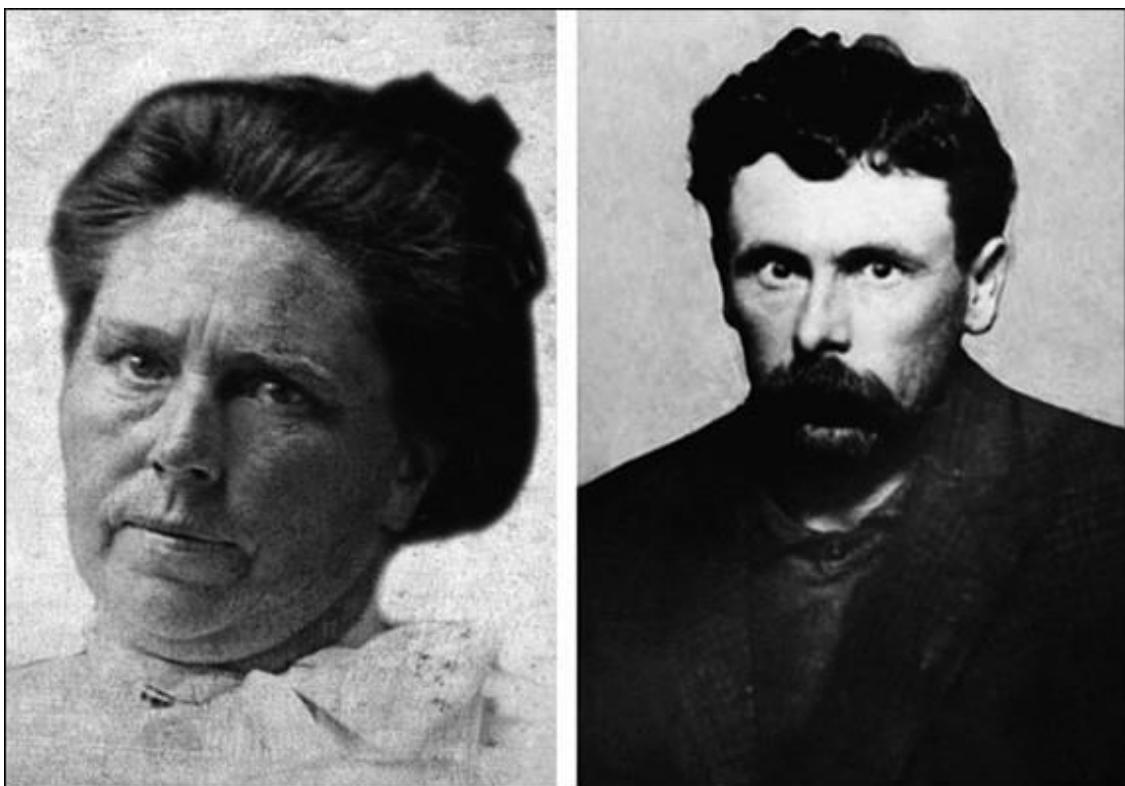
Бринхильд Ларсен была восьмым ребенком в семье. В конце XIX века желание перебраться в США никого не удивляло: туда за лучшей жизнью массово ехали итальянцы, ирландцы, немцы. Норвежцы – тоже. Уехали в 1881 году и две сестры из семейства Ларсен – Нелли и Бринхильд. Бринхильд сменила имя, устроилась служанкой, а в 1884 году вышла замуж за своего соотечественника Мэдса Соренсена, жившего в Чикаго. Дело шло неважно: магазин сгорел, и они жили на страховку от пожара. Родились дети, но их тоже страховали, и впоследствии было замечено, что в семье Ганнес они часто умирали от колита, схожего с отравлением. Уцелело лишь трое. Пока.

Потом Соренсен в 1900 году тоже как-то быстро умер, и некоторое время доктора подозревали, что он отравлен стрихнином.

А Белль опять получила страховку и в 1902 году вышла за мясника Питера Ганнеса, вдовца с ребенком. Свадьба закончилась, и уже через неделю дочь мясника умерла от непонятной болезни. Еще через полгода произошел несчастный случай с самим Ганнесом, а его вдова, хорошо разбирающаяся в страховых документах, получила 3 тысячи.

Тут она и начала печатать объявления о желании выйти замуж за приличного одинокого человека со средствами. Тридцать девять одиноких претендентов бросились на зов и бесследно исчезли в недрах её фермы.

Возникает законный вопрос: почему их не искали? Она старалась расспросить претендентов, есть ли у них родственники.

Белль Ганнес и Рой Ламфер

Но одного все же стали искать, и это стало проблемой для Белль. Нужно было совершить что-то исключительное, чтобы избежать преследования. И Белль написала заявление местному шерифу на своего работника Ламфера, который к ней пристает и грозит устроить пожар.

28 апреля 1908 года ферма Белль Ганнес действительно сгорела. Погибли и она сама, и трое её детей. Но вместе с ними были обнаружены еще более десятка скелетов неизвестных людей. Единственным подозреваемым оказался Ламфер, и его приговорили к длительному тюремному сроку: прямых улик на него не было.

Однако выяснилось, что Ламфер всё знал. Он дал показания, что его хозяйка уничтожила на ферме 39 человек самым варварским образом: трупы она растворяла в яме с негашеной известью или же скармливала свиньям. При этом не забывала забрать всё – деньги, вещи, чеки.

Вскоре выяснилось, что и план поджога был продуман. Накануне Ганнес подыскала себе служанку, схожую с ней по комплекции, а потом, переодев в свое платье и добавив для правдоподобия свой зубной протез, убила её и подбросила как собственный труп. Своих детей она тоже убила, а преступление собиралась повесить на Ламфера. Пока полицейские всё это поняли и раскопали, её и след простыл.

Кем была Белль Ганнес? Дьяволом или всё-таки его слугой – убогой и не одаренной чувствами и мыслями? Иногда судьба порождает такие существа, способные за свою жизнь развернуть небольшую войну – по количеству жертв Белль Ганнес уничтожила состав целого взвода.

Осталось маленькое сиротливое надгробие – общая могила множества останков, на которой написано: «В память о неопознанных жертвах Белль Ганнес (1908–2008)».

Смерть художника

Эта история стала самым загадочным расследованием Канады, которое и по сей день не дало результатов – одни лишь версии. Томас Томсон был одним из непутевых молодых канадцев конца XIX века, в котором, при всей его безалаберности и асоциальности, обнаружился удивительный дар. Он родился в обеспеченной и дружной семье и несколько лет скитался по городам, находя и бросая работу. А потом, уже после 30-ти лет, обрел свое Эльдорадо в канадской глухи – экзотическом парке Алконкин, возле которого находилось шотландское поселение Моуат. Здесь у Томсона был свой домик – неприглядная хижина, которую он посещал редко, предпочитая жить в лесной палатке, ловить рыбу и писать свои удивительные картины, очень талантливые, но непривычные для знатоков академической школы. Как художник Томсон был романтиком и импрессионистом, большая часть его творений написана пятнами. Ярость и буйство красок природы и точность найденных композиций свидетельствуют о гениальности. Сейчас картины Томсона стоят миллионы, его называют «канадским Ван Гогом».

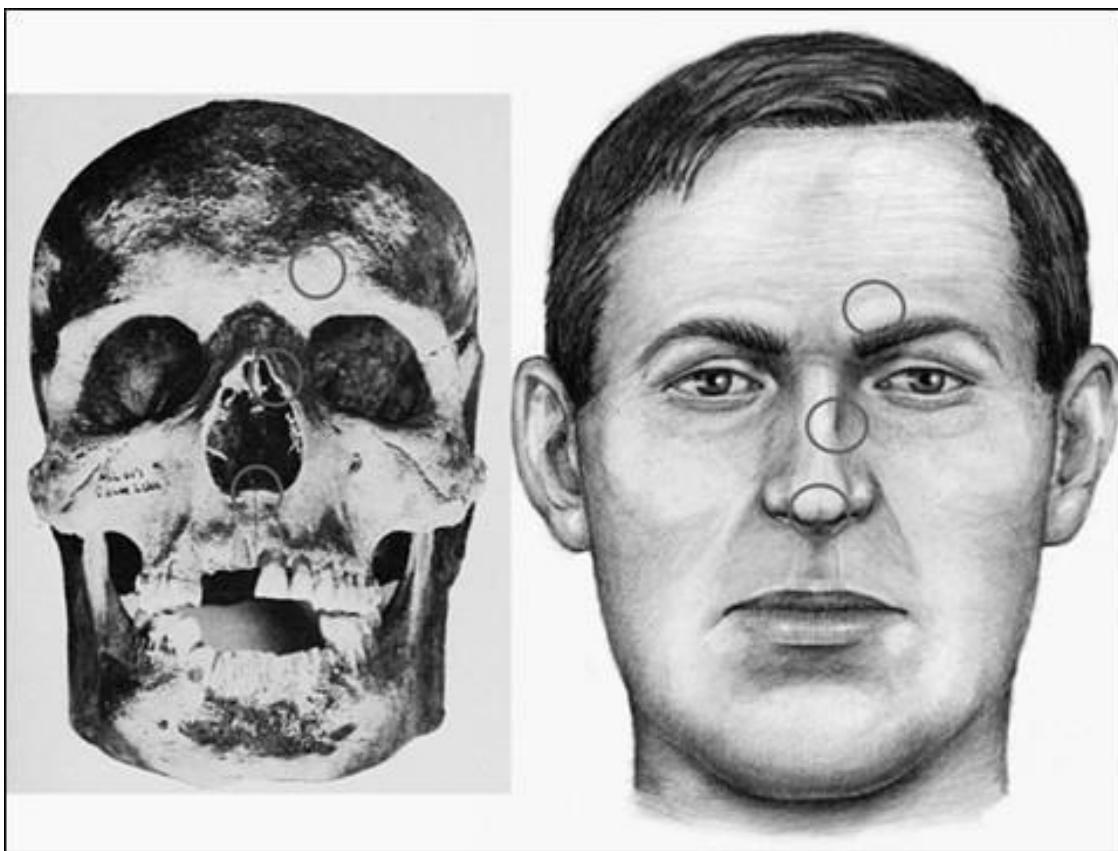
Томас нравился – и местным женщинам, приходившим к нему послушать занимательные истории и посмотреть картины; и мужчинам, с которыми он любил выпить пива и сходить на рыбную ловлю. Окружение Томсона было невелико. Лучший друг Марк Робинсон. Обаятельная Виннифрид Трэйнор, с которой он был помолвлен. Сын торговца-мебельщика, немецкий иммигрант Мартин Блетчер. Владельцы отеля Шенон и Энни Фрэзеры. Постоялица отеля Дафна Кромби, поклонница его живописи. Именно эти лица оказались вовлечены в дальнейшие события, развернувшиеся в деревне Моуат более чем на полвека.

В воскресенье 8 июля 1917 года Томас Томсон, взяв рыболовные снасти и еду, отправился на каноэ ловить форель. Около часу дня он отошел от берега, и это подтвердили Фрэзеры. А через два часа его лодка была обнаружена Мартином Блетчером и его сестрой. Но Тома в каноэ не оказалось: оно было пустым, завалившимся набок и без весла.

10 июля под руководством суперинтенданта Джорджа Бартлетта начались крупномасштабные поиски Томаса, и утром 16 июля тело художника обнаружат в центре озера с синяком на голове и замотанной вокруг щиколотки леской. К тому моменту оно находилось в таком состоянии, что эксперт провел лишь поверхностный осмотр, согласившись с официальной версией несчастного случая. При этом воды в легких погибшего не было, а засохшей пены возле носа и рта, возникающей в результате утопления, не оказалось.

Знакомым художника было ясно, что столь нелепая смерть не могла быть случайностью, особенно для опытного пловца и рыбака, много лет работавшего лесником и проводником в местном парке. Леска, в которой он якобы случайно запутался, была обмотана вокруг ноги 16 раз, а синяк на голове напоминал след от удара веслом, которое бесследно исчезло.

Версий убийства Томаса Томсона оказалось несколько. Единственным человеком из окружения художника, ни разу не попавшим в число подозреваемых, был Марк Робинсон – близкий друг, многие годы пытавшийся расследовать это дело. В отношении остальных такой уверенности не было.

Места ударов на голове Тома Томсона

Виннифрид казалась многим косвенной причиной убийства: говорили, что она уже была беременна от Томаса и оказалась в трудном положении из-за консервативной канадской морали тех лет. После гибели художника она сломалась и утратила интерес к жизни. Её ребёнок, по всей видимости, родился где-то на нелегальной квартире и был помещен в приют, а она доживала свои дни в роли старой девы и городской сумасшедшей.

Мартин Блетчер за день до смерти Томаса имел с ним стычку в местном баре, и по его фразе («Не стой у меня на пути, а то пожалеешь») некоторые решили, что речь идет о любовном треугольнике. Но, судя по записям в дневнике Марка Робинсона, он и Томас не ладили с Блетчером из-за мировой войны и немецкого происхождения Блетчера: Робинсон подозревал в нём шпиона, следящего за грузами на местной железной дороге.

Ещё одним возможным убийцей мог оказаться ресторатор Шенон Фрезер, которому Томсон был должен денег. Узнав о предстоящей женитьбе художника, Шенон, очевидно, захотел востребовать свой долг, и это вызвало ссору и драку. О том, что Томас поехал на рыбалку с удочками и едой, все знали только со слов Фрезеров, в то время как убийство могло произойти вечером в их отеле. Энни Фрезер отличалась рациональным мышлением, идея замаскировать убийство под несчастный случай на озере могла принадлежать ей. Существовало и некое свидетельство постоялицы отеля Дафны Кромби, которая слышала от Энни Фрезер, что Томсона убил её муж. Но это было известно лишь со слов Дафны, сказанных через 60 лет после гибели Томсона – 14 января 1977 года. Обоих Фрезеров в то время уже не было в живых, и нетрудно представить себе, что таким внезапным откровением престарелая дама хотела лишь возбудить к себе интерес журналистов.

Сама Дафна представлялась ещё более туманной фигурой рядом с Томсоном. Она приехала в Моут из-за мужа-туберкулезника, которому нужен был свежий воздух. Но больной муж, находившийся в отеле Фрезеров, мало волновал Дафну. Она часто наносила визиты в

мастерскую художника и даже получила в подарок несколько картин. Интерес Дафны к живописцу напоминал пробудившееся чувство, которое могло перерастти в ревность.

Были и сторонние версии – о некоем ревнивом муже, которому не понравились визиты жены в мастерскую художника; о шпионах и диверсантах, контрабандистах и браконьерах, случайно встретивших Томаса.

Уже в 2009 году антропологи обнаружили новые данные эксгумации останков Томсона: в его голове имелось боковое отверстие, но не от пули, а от орудия, которым обычно проводится трепанация черепа. Это было дважды подтверждено экспертами и вызвало шок у исследователей гибели выдающегося канадского художника. Впрочем, действующих лиц этой таинственной истории уже не было в живых, а никакой ясности в деле Томсона так и не наступило.

Венок трагедий Пейо Яворова

Завершить эту невеселую главу хотелось бы возвращением к её началу – к тем самым богемным семейным тайнам, характерным для начала XX века, ставшего окончанием века девятнадцатого. Доктора, замуровывающие своих жен в подвалах, и фермерши, растворяющие поклонников в негашеной извести, производят тошнотворное впечатление. Но страсти, царящие в кругах высшего света и богемной интеллигенции, привлекают людей до сих пор. Такая загадочная история произошла и в старой Болгарии, где дамы посыпали загадочные взгляды поэтам, а те воспевали их в своих сонетах и даже венках сонетов. Как Пейо Яворов – Лору Каравелову.

В этой истории сплелись судьбы двух выдающихся деятелей болгарской литературы – поэта-символиста Пейо Яворова и писателя Любена Каравелова. Первый был мужем жертвы, второй – её дядей.

Поздним вечером 29 ноября 1913 года Лора Каравелова долго и беспокойно ходила по своей комнате. Она только чтоссорилась с мужем.

– Опять эта Дора Конова! Вызывающая, спесивая! Как не стыдно? Замужняя женщина!

– Ерунда, милая, – сказал Пейо Яворов. – Опять ты начинаешь. Она такая, какая есть. Просто мы были знакомы раньше, ты же знаешь. И что? Все женщины в литературных кружках кокетничают.

– Она не пошлая кокетка, нет! Она знает, чего хочет, и всё делает с умом! Никому не даёт вставить слова, блещет остроумием, хочет казаться лучше всех! А тебе она проходу не дает! Что, старое вспомнилось?

– Ты всё преувеличиваешь. Мы перемолвились всего парой слов. Ну почему, Лора? Почему ты хочешь испортить каждый вечер своими нелепыми подозрениями?

«Нелепыми? Ax, значит нелепыми?» – она вспомнила, как мать не советовала ей выходить за поэта («Они же легкомысленные»).

«Для вас, господа, всё нелепо!» – Лора додумывала оборванный диалог, оставшись одна, мерила шагами комнату, бессмысленным взглядом скользила по вещам, по старым фотографиям, вытащила из ящика бюро револьвер и долго в задумчивости поглаживала холодную рукоятку, а потом с какой-то грустной улыбкой выстрелила в себя, чтобы покончить со всем этим.

Любен и Лора Каравеловы, Пейо Яворов

Лора Каравелова не хотела напугать мужа, она не пробовала покончить с собой для виду, не до конца, чтобы разжалобить, как поступают другие. Она это сделала, потому что не могла так больше жить.

Её супруг, популярный поэт-символист и светский красавец Пейо Яворов, был в той же квартире и вбежал в комнату, но остановить её не успел.

– Лора! Умоляю! Не делай этого!

Он бросился к жене, но выстрел уже прогремел. В отчаянье поэт обнял тело жены, а потом попытался застрелиться из того же револьвера. Он стрелял себе в грудь, но остался жив и попал в больницу, потеряв зрение.

Утром следователи мрачно взирали на тело Лоры, дочери известного политика Петко Каравелова и племянницы не менее известного писателя Любена Каравелова. Расследование предстояло громкое, и никто поначалу не решался проводить аутопсию. Было непонятно, что произошло, все знали об их ссорах. Появилась версия, что Яворов мог застрелить жену, а потом раскаяться и совершить попытку самоубийства. Было заведено дело № 205.

В больнице Пейо Яворов, пришедший в себя и безутешный, записывал в тетрадь сонеты, посвященные Лоре, но писал уже вслепую, ничего не видя.

* * *

Простая биография болгарского поэта-символиста: школьник из Пловдива, телеграфист, социалист, библиотекарь, член Болгарской Рабочей Социал-Демократической партии. В 1897 году он вступил в контакт с подпольной революционной организацией. Ещё во время политической деятельности Яворов при поддержке поэта Пенчо Славейкова и критика Крестю Крестева стал редактором литературного журнала «Мысль». Первое произведение Яворова «Калиопа» произвело впечатление на его товарищей. В 1901 году он издал сборник стихотворений, одобрённый известным поэтом Славейковым, написавшим к нему предисловие.

При этом в 1903 году Пейо много раз курсировал через границу при подготовке Илинденско-Преображенского восстания и был близким другом и соратником Гоце Делчева, основателя тайной организации БМОРК (Внутренняя Македоно-Одринская революционная организация). После смерти Делчева в 1903 году Яворов очень переживал и отказался от революционной деятельности, а в 1904 году написал его биографию.

Революция и лирика, политика и прекрасные дамы. Пейо Яворов пришел из романтических дуэльных реалий XIX века, чтобы стать в XX веке поэтом-символистом и героем уголовной хроники.

С любовью Яворову не везло. В 1906 году он был очарован Миной Тодоровой, сестрой писателя Петко Тодорова, но через четыре года 19-летняя Мина заболела туберкулезом. Лечение в Париже не помогло, и она умерла на руках Яворова в 1910 году. Безутешный поэт похоронил её на кладбище Пер-Лашез и каждый день ходил на могилу.

От тягостной депрессии его спасала работа в Национальном театре. Он написал роман «За тенями облаков» и сочинил две пьесы – «В полете над Витошью» и «Когда ударит гром, затихнет эхо» (1910-го и 1912-го годов). В 1911 году поэт встретил Лору Каравелову. Он знал её с 1906 года, но не близко. Теперь между ними вспыхнула страсть.

Лора как раз разводилась с мужем. Она была не юной, восторженной барышней, а женщиной с прошлым. В юности училась в католических интернатах Парижа и Антверпена, знала языки. В 1907 году под давлением матери-общественницы вышла замуж за члена Демократической партии Ивана Дренкова. Их первый ребенок вскоре умер, спустя год Лора родила второго сына. Но любви и понимания между супружами не было, и они расторгли брак в июне 1912 года.

Через три месяца, 19 сентября 1912 года, Лора вышла за Яворова. Вскоре он отправился на фронт – в это время шла Вторая Балканская война. С фронта поэт писал Лоре страстные письма, в которых было много стихов. Что могло привести к трагедии всего через год семейной жизни?

Очевидно, одной из причин было воспитание Лоры: ей передался прямой характер отца, а католические интернаты привили пуританскую чистоту отношений. К тому же, неудачно побывав замужем, она боялась потерять второго супруга и хотела привязать его к себе, обладать безраздельно. Поэтому Лора изводила его подозрительностью и болезненной ревностью, устраивала сцены по поводу и без повода.

Конечно, не обошлось без роковой злодейки – Доры Коновой. Она тоже входила в писательскую среду, была замужем за писателем Михаилом Кременем, поэтому часто видела Лору и Яворова на вечерах. Хорошенькая, но грустная Лора злила её своим обиженным видом. Эти подозрительные и осуждающие темные глаза, слегка надутая губка, взгляды, которые она бросала на мужа, когда он заговаривал с другими, – всё это возбудило игравую и агрессивную Дору. Ей захотелось позлить надутую молчуныю, разжечь её ревность. Но не только это. У Доры была своя причина. Она знала Яворова с 1905 года, когда он работал библиотекарем, а она посещала книжное собрание и встречалась с двумя поэтами – Яворовым и Бояном Пеневым – не зная, кому отдать предпочтение. Возможно, ей льстило, что у нее два ухажёра. Пенев ревновал и просил её руки у родителей. Но, женившись, вскоре бросил, развелся и сделал предложение выдающейся болгарской поэтессе Елизавете Багрян.

Дора поняла, что просчиталась, выйдя за Пенева. Жизнь у неё сложилась несчастливо, и она всё время вспоминала Яворова, его голос и его стихи. Теперь первое чувство вспыхнуло вновь, хоть она и не хотела признаваться в этом даже самой себе. Дора демонстративно заигрывала с Яворовым, выражала ему свой интерес, а Лоре – свое женское превосходство и свободу поведения. Этого оказалось достаточно.

В ночь на 30 ноября Лора в экстатическом состоянии выстрелила себе в голову, погубив и себя, и своего талантливого, но несчастливого мужа.

Под давлением прессы и влиятельных родственников Лоры было открыто дело об убийстве. Судебный процесс длился около года и счёл Яворова виновным в смерти жены. Это и породило на многие годы загадку: сама Лора свела счеты с жизнью или ей помогли. Через 70 лет режиссер Киран Коларов снял фильм «Дело 205/1913» в духе полукриминальной мелодрамы.

* * *

В четверг, 29 октября 1914 года, не выдержав обрушившихся на него испытаний, Пейо Яворов принял яд и застрелился.

В тот же день Турция вступила в войну на стороне Германии. Германско-турецкий флот атаковал русские суда в Черном море и начал бомбардировку Одессы, Феодосии, Севастополя, Новороссийска. И всё это было где-то по ту сторону от частной трагедии болгарского поэта.

Российские тайны

Россия начала XX века жила своими страстями, но большинство преступлений и таинственных драм того периода носили политический характер. Даже частные случаи вызывали общественный резонанс и становились поводом для сенсационных слухов и публичных дискуссий, а кражи и ограбления могли обрести эвфемистичное название «экспроприация».

«Большое ограбление поезда»

26 сентября 1908 года польско-литовский городок Безданы, известный до этого лишь ста-ринным костелом и грибными местами, вошел в историю. Почтовый состав, направлявшийся в Санкт-Петербург, внезапно подвергся нападению группы неизвестных.

Вагоны покачивало на перегоне, в окно влетал легкий ветерок. Один из пассажиров, чернобородый красавец, севший на поезд еще в Варшаве, всю дорогу читал книгу. Рядом с Безданами он отложил чтение, достал из-под лавки что-то завернутое в вощеную бумагу и тихо вышел из купе. Пройдя пару вагонов, бородач встретил двоих пассажиров, которым передал сверток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.